

БУЛАТ Р. РАХИМЗЯНОВ

НАСЛЕДИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Проблема соотношения России «восточной» и России «европейской» чрезвычайно актуальна. Как, когда и почему происходит перерождение Московского государства в Российскую империю? Кто был инициатором этого процесса – Петр I, или кто-то из его предшественников, или сама «объективная историческая реальность»? Можно ли вообще рассматривать Россию как великую европейскую державу? Или по всей политико-государственной и ментальной сущности она сложилась в XVI в., развилась в XVII в. и продолжала оставаться в XVIII-XIX вв. типичным восточным ханатом, т. е. самодержавием? Возможно ли вообще изучать историю России в контексте европоцентристской цивилизации, или она выходит за ее границы? Ответы на эти вопросы невозможно дать, не рассмотрев влияние Золотой Орды, ее наследия на исторические судьбы Московской Руси.

Московское государство возникло в сложных международных условиях. На месте некогда могущественной Золотой Орды складывались или уже образовались новые политические образования – Большая Орда, Казанское, Крымское, Астраханское, Сибирское, Касимовское ханства, Ногайская Орда. Некоторые из них претендовали на то, чтобы занять в геополитическом пространстве Восточной Европы то место, какое в свое время занимал Улус Бату. При этом их фактическое влияние в постзолотоордынском мире было различным.

Московская Русь, входившая в Золотую Орду на особых условиях, не осталась в стороне от этих процессов. Она также в некотором роде претендует на «ордынское наследство». Ее отношения с татарскими ханствами в некоторых случаях можно определить как сотрудничество, в других же (в большинстве) – как соперничество и военное противостояние.

При этом, учитывая длительный период зависимости Руси от Золотой Орды, именно контакты со своими восточными соседями (наследниками Улуса Джучи) становятся для Московской Руси XV-XVI вв. определяющими. Западноевропейское направление внешней политики станет доминирующим много позже, в XVII-XVIII вв. Последствия золотоордынского господства еще долго напоминали о себе.

На протяжении XV-XVI вв. Крымское ханство постепенно уступает свою роль правопреемника Золотой Орды Московской Руси. Этот факт значим не только для системы связей государств-наследников Улуса Джучи, но и для всей истории Восточной Европы XV-XVI вв. в целом. Насколько сопоставимо влияние «ордынского наследия» на так называемые «татарские ханства» и Русское государство? Анализ роли этого фактора в истории средневековых государственных образований Восточной Европы является также и составной частью проблемы этногенеза русского и татарского народов.

В 30-40-х гг. XIII в. в результате монгольского завоевания большинство русских княжеств и Новгородская земля оказались включенными в империю Чингизидов. Чингизиды воспринимали подчиненные славянские территории как единый «русский улус» и в то же время как совокупность княжеств - улусов Монгольской империи. Потерпевшим жестокое поражение и утратившим независимость правителям Руси пришлось признать, что отныне она стала землей «канови и Батыеве»¹ (т. е. подвластной верховному монгольскому государю-каану, а также хану-завоевателю – Бату). Подчиненность выражалась главным образом в выплате дани – «ордынского выхода», в ханской инвеституре князей, в контроле над их политикой и в периодическом привлечении князей к участию в военных походах ханов.

Формальный статус великих и удельных князей как правителей определялся их обязанностью испрашивания инвеституры в Сарае, столице Золотой Орды. В этих условиях княжества воспринимались на Руси не только как сфера властвования местного правителя – Рюриковича, но и как территория, подчиненная хану. На протяжении первого столетия ига сложилась устойчивая формула, отражавшая этот дуализм. К примеру, по известиям летописей, в 1349 г. литовский князь Ольгерд с братьями, напад на московские владения, «испустошили» «улус его [т. е. хана Джанибека] и великого князя отчину». Таким образом, область, находившаяся под управлением какого-либо русского князя, расценивалась как ханский улус и только во вторую очередь, с точки зрения ордынских сюзеренов, как княжеская вотчина, наследственное владение. Соответственно и сам князь имел статус ордынского «улусника»².

---

1. Н. Серебрянский, «Древнерусские княжеские жития», *ЧОИДР*, М., 1915, кн. 3, с. 55.

2. *ПСРЛ*, СПб., 1897, т. 11, с. 84: термин «улусник» применен к недавнему победителю Мамаю – Дмитрию Ивановичу Донскому.

Организация поставки дани в Орду объективно превращала русских князей в важнейшее звено обеспечения жизнеспособности государства Джучидов. Убедившись в лояльности российских правителей по отношению к ханам, а также в прочности своего господства над Русью, ордынское правительство с начала XIV в. предпочло передоверить контроль избранным (великим) князьям. В Твери и, особенно, в Москве формируется оригинальная для Руси, но обычная для восточных деспотий система управления монарха без посредничества сословно-представительных органов или церкви. Принцип иерархии был соотносим с ордынским: удельные князья номинально подчинялись великому князю как главе улуса, а глава улуса был подчинен хану – дарователю ярлыка на улус, великое княжение.

В период существования русских земель во главе с Московским княжеством в системе государств – наследников Улуса Джучи (XV–середина XVI в.) прослеживаются следующие тенденции. Сохраняется иерархическая, все более номинальная, подчиненность великих князей ханам Большой Орды и в дальнейшем, после ее падения, владетелям Крыма. Я склонен присоединиться к мнению В. В. Трепавлова, что московский государь имел промежуточный статус между ханами – Чингизидами Сарая (до его разгрома), Крыма, Казани и, очевидно, Узбекской державы, с одной стороны, и ногайскими, касимовскими и, возможно, астраханскими и сибирскими правителями – с другой. Если по отношению к первой группе сюзеренов формальный вассалитет великого князя практически не оспаривался и подтверждался выплатой дани, то с «царями» и «князьями» младших ханств шла скрытая полемика о старшинстве. Для поддержания своего ранга улусного владетеля великий князь должен был обустроить двор и государство соответствующим образом. Возрастанию его политического веса способствовало в том числе и развитие удельно-улусной системы на Руси, выразившееся в институте служилых ханов, мурз и их владений на российских территориях (Касимов, Кашира, Юрьев, Звенигород и др.).

Со времени «великой замятни» в Орде, в конце XIV и на протяжении XV в., обозначились новые явления во взаимных контактах русских и ордынских властей. Стал практиковаться отъезд татарских правителей и их людей на Русь, где им предоставлялись города и области для поселения и кормления. Фактически великие князья (с начала XV в. – в основном московские), отводившие пришельцам – иногда по их указке – земли в своих владениях, превращались по отношению к ним в сюзеренов. Тем не менее великие князья продолжали номинально пребывать в системе ордынской иерархии как ханские вассалы – данники, правители «царева улуса и княжой отчины». Любой Чингизид, отъехавший на Русь для поселения, уже в силу своей принадлежности к правящей династии Джучи, т. е. к высшей категории татарской знати, имел право требовать – и получал – соответствующую часть дани, а иногда и территорию, с которой собиралась эта часть в его пользу.

Данное несоответствие между фактическим положением московских князей (сюзерены) и их формальным рангом (данники) проявлялось, в частности, в их контактах с «Касимовским царством» – землей в Мещере, предоставленной Василием II Касиму, сыну хана Улуг-Мухаммада, в 1445 г. Причем предоставленной не для условного держания как султану-эмигранту, а в виде своеобразной контрибуции, наложенной Улуг-Мухаммадом после разгрома, нанесенного его сыновьями московскому войску в 1445 г. Статус данной территории («Касимовского царства») можно определить как вассальное ханство. По своему общественно-политическому устройству оно было практически идентично другим постзолотоордынским государствам (Казанскому и Крымскому ханствам), причем в вопросах внутреннего управления до середины XVI в. являлось полностью независимым от своего сюзерена – Великого княжества Московского. Ханством управлял правитель – Чингизид (хан или султан) вместе со своей знатью (беки, уланы, мирзы и др.) Внешнеполитическая жизнь этого государственного образования была полностью в руках Москвы. Специфическое положение Касимовского ханства (вассальный характер государственности, географическое расположение исламского государства в православной Руси, проживание на одной территории татарского и русского населения) внесло в его устройство ряд особенностей. Начиная с 30-х годов XVI в. московское руководство начинает постепенно вмешиваться во внутренние дела Касимовского ханства, вводя элементы «параллельной» (подчиняющейся Москве) администрации. Однако наиболее рельефно эти нюансы выступают на втором этапе развития царства, после взятия Казани.

Несмотря на то, что практической необходимости в существовании Касимовского ханства после взятия Казани уже не было, оно просуществовало на территории России до 1681 г. И это не историческая случайность. Москва стала основным политическим наследником Золотой Орды. Образ, пример ее были тем своеобразным маяком, к которому стремилась Москва. Русские князья воссоздавали структуру, модель Золотоордынского государства, на роль которой претендовала Московская Русь. В Золотой Орде тюркоязычное население было объединено на одних условиях, а русские земли имели особый статус. Они были частью Орды, но государством в государстве. Такую же участь Василий II, Иван III и последующие Российские правители уготовили Касимовскому ханству. К тому же стратификация дворянства в Русском государстве определилась в последней трети XV в., принцип территориально-уездной корпорации «работал» и менять что-либо в социальном, материальном, организационном устройстве дворянства из-за постоянных войн было просто некогда.

Главным показателем номинально низшего ранга московского государя по отношению к служилым Чингизидам являлась дань, отправлявшаяся из великокняжеских вотчин в татарские уделы на Руси. Источники говорят о дани в Касимов в 1481-1553 гг., и называлась эта дань так же, как и в старину, в годы зависимости, – «выход». Ранг служилых ханов в пределах

Московской Руси был чрезвычайно высоким. Происхождение из ордынского правящего рода Чингизидов-Джучидов, как и само по себе ханское звание, давало им внешний почет и церемониальные отличия, сближавшие их с великим князем³.

Д. Островски считает переселенцев из татарских ханств (такowymi были и жители Касимовского ханства), в совокупности с двором великого князя, основным источником татаро-монгольского влияния на Русь. Уже в течение первой половины XIV в., отмечает он, «московские князья ввели политическое управление, основанное в целом на примере Кыпчакского ханства (так Островски именует Золотую Орду.–Б. Р.)»⁴. Заимствование у монголов системы управления было вызвано частыми поездками московских князей в Сарай. По мнению Островски, «светская администрация продолжала рассматривать практику степных ханств как образец даже после 1502 г., когда Кыпчакское ханство (Золотая Орда) признала суверенитет крымского хана». Опричину историк также называет «возвратом к старой степной практике»⁵.

В этих условиях исход «Стояния на Угре» 1480 г. поначалу не был воспринят современниками как окончательное прекращение зависимости от Большой Орды. Бескровное завершение конфликта с ханом Ахмадом продемонстрировало прежде всего военную мощь Московского княжества. По-прежнему Москва сохраняла за собой обязанность платить ордынский выход «по старым девтерям, по крестному целованию». Эти платежи оговаривались в завещании Ивана III, в грамотах его сыновей, князей Василия и Юрия, 1504 г.⁶ Есть также данные о позднейших подобных выплатах при Василии III и Иване IV⁷. Более того, вплоть до середины XVI в. в среде татарских сановников бытовало убеждение, будто традиционно «вся страна от их границ на север и запад, до города Москвы, не выключая и самой Москвы, принадлежит им»⁸.

Реальные плоды освобождения Руси стали проявляться лишь через несколько лет после событий на Угре. В 1487 г., с водворением на казанском престоле Мухаммад-Эмина и превращением ханства в российский протекторат, Иван III смог уже формально, а не только фактически повысить свой государственный статус. Выплата дани в Казань была прекращена; московский государь добавил в титул формулу «князь Болгарский». В переписке казанский хан – Чингизид стал называться его братом, т. е. равновеликим монархом. С падением правившей в Большой Орде династии в 1502 г. отпала необходимость посылки туда дани и

3. С. Герберштейн, *Записки о Московии*, М., 1988, с. 220-223.

4. D. Ostrowsky, *Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304-1589*, Cambridge, 1998, p. 19.

5. *Ibid.*, p. 21.

6. ДДГ, М.- Л., 1950, с. 362, 365, 367.

7. С. Герберштейн, указ. соч., с. 64; Дж. Горсей, *Записки о России XVI – начала XVII вв.*, М., 1990, с. 91.

8. Дж. Флетчер, *О государстве Русском*, СПб., 1905, с. 76.

испрашивания ярлыков. Гегемония в Среднем Поволжье, как и общее могущество молодого Московского государства, заставила окрестных ханов признать за Иваном III и за его преемником Василием III более высокий ранг. Как отмечает В. В. Трепавлов, с начала XVI в. в крымских, с середины XVI в., в ногайских грамотах появляется адресат «Великого улуса великому князю»⁹. Понятие «Великий улус», ранее служившее для обозначения всей Золотой Орды¹⁰, начало применяться к Московской Руси. Тем не менее владельцы Бахчисарая, Астрахани, Казани, Касимова и Тюмени продолжали титуловаться «царями»-ханами, что демонстрировало их более высокое положение по сравнению с русскими и ногайскими правителями-князьями.

Во время правления Василия III (1505-1533) у русского государя появляется новое своеобразное обозначение – «Белый царь». Современники-иностранцы, выдвигая собственные толкования его семантики, подчеркивали, что сами русские не могли объяснить его происхождения¹¹.

Принципиальным рубежом в повышении статуса царя в глазах соседних татарских правителей явилось подчинение Казанского и Астраханского ханств-«царств» в середине XVI в. С распадом Золотой Орды все члены системы государств – ее наследников равно нуждались в восстановлении *Pacis Mongolicae*, отмечает О. Прицак¹². Москва с этой точки зрения предстает как один из центров объединения. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще Иваном III, подчинившим Новгород, важнейший элемент торговой сети Восточной Европы. В XVI в., когда Москва вообще стала «единственной державой, способной установить мир»¹³, она сделала следующий шаг по объединению региона уже в восточном направлении. Это установление контроля над Астраханью и Казанью, другими звеньями торгового маршрута, лежавшего в основе «*Rax Mongolica*» золотоордынского времени. В руках русских властей оказались бывшие ханские домены, включая «царево место» – руины Сарая, что поставило прежнего данника татар в один ряд с полновластными крымскими ханами – Гиреями. Именно подчинение татарских государств Поволжья и Сибири трактовалось в России как начало обретения Иваном IV царского достоинства¹⁴. Отныне на тронных приемах при царе находились три короны – Московская, Казанская и Астраханская¹⁵.

---

9. *Сб. РИО*, СПб., 1895, т. 95, с. 240.

10. В. Л. Егоров, *Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв.*, М., 1985, с. 155.

11. С. Герберштейн, указ. соч., с. 75; Дж. Флетчер, указ. соч., с. 19.

12. О. Pritsak, «Moscow, the Golden Horde and the Kazan Khanate from the Policultural Point of View», *Slavic Review*, 26 (4), 1967, p. 582.

13. *Ibid.*

14. Г. Котошихин, *О России в царствование Алексея Михайловича*, СПб., 1906, с. 1.

15. *Известия англичан о России XVI века*, М., 1884, с. 98.

Сам термин «царь» справедливо расценивается некоторыми исследователями как демонстрация независимости по отношению к ханам¹⁶. Хотя по своему происхождению слово, несомненно, греко-византийское, появление русского царя все же можно равным образом связывать с послеордынской политической ситуацией. Наиболее наглядно специфический статус царя проявился в отношении к Ивану IV ногайских князей после завоевания им Казани и Астрахани. Исследователь ногайской истории В. В.Трепавлов отмечает, что ногаи прямо утверждали, что всегда «те оба юрты бывали за великими цари», и, соответственно, присоединив их, став «царем Казанским, царем Астраханским», московский государь «свыше отца своего учинился», превратился в истинно великого монарха¹⁷. Дошло до того, что к нему льстиво адресовались как к действительному Чингизиду¹⁸, что означало признание абсолютной легитимности его управления бывшей территорией Золотой Орды.

После подчинения поволжских государств московский царь превратился в старшего государя по отношению к тюркским правителям Заволжья и Сибири. Исключение из сферы московской внешней политики казанского, астраханского, позднее – сибирского и отчасти ногайского факторов не привело к игнорированию восточной парадигмы управления. Во-первых, внутренняя организация бывших ханств была во многом изменена, но отдельные татарские роды вошли в состав формирующегося дворянства. Вследствие необходимости укрепить свои позиции в Поволжье, российское правительство прибегло к политике «кооптации» местной элиты. При этом она привлекалась конкретными материальными, социальными и политическими выгодами и открывавшимися возможностями включения в состав русского правящего класса (русское дворянство отличалось относительной открытостью). В результате русская аристократия оказалась открытой для элиты нерусских народов, которая смогла сохранить свое привилегированное положение при условии выполнения возлагавшихся на нее обязанностей. Подобная «открытость» имперской системы России, отсутствие в ней «расизма», не имеют аналогов в западноевропейском опыте колониализма¹⁹. Распространенная в ханствах система ясачной эксплуатации была не только в первое время сохранена там, но и взята на вооружение российскими властями, и послужила в дальнейшем основным принципом отношений с народами Сибири. Во-вторых, правление Ивана IV в 60-70-е годы XVI в. явилось кульминацией восточного влияния на внутривосточные процессы в России.

---

16. G. Vernadsky, *A History of Russia*, New Haven, 1969, p. 97.

17. В. В. Трепавлов, «Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности», *Восток*, № 2, 1994, с. 57.

18. *Продолжение ДРВ*, СПб., 1795, ч. 10, с. 31.

19. S. F. Starr, «Tsarist Government. The Imperial Dimension», in J. Azrael, *Soviet Nationality Policies and Practices*, N.Y., 1978, p. 19.

В XVI в. резко возрастает политическое значение служилых ханов внутри России. Ряд исследователей справедливо полагают, что авторитет Чингизидов в смысле легитимности управления был непререкаем в постзолотоордынской России. Поэтому кандидатура на какой-нибудь высокий пост одного из представителей династии Чингиз-хана не могла вызывать (и на самом деле не вызывала) никаких возражений со стороны, например, русской знати²⁰. Кроме того, служилые ханы имели в то время довольно слабые родственные связи с русской аристократией, поэтому появление такой, относительно независимой от клановых пристрастий, кандидатуры не создавало возможности и видимости усиления одних родов в ущерб другим.

В литературе высказана точка зрения об использовании редкого института соправительства российского правящего государя с наследником (Ивана III с сыном Иваном, потом – с внуком Дмитрием, потом – с сыном Василием; позже – Бориса Годунова с сыном Федором)²¹. Однако соуправление с сыном и по правовым основаниям, и по идеологическому обоснованию, и по практической целесообразности не совпадает с разделением царской компетенции между царем и татарским ханом – не родственником, не наследником, человеком иного языка и культуры.

Объяснение может заключаться именно в использовании московским правительством восточной государственной традиции. В 1564-1565 гг., после учреждения опричнины, во главе земщины был поставлен князь Иван Федорович Мстиславский, внук царевича Худайкула²². После его смерти земскими территориями на протяжении трех лет управлял татарский служилый царевич, внук одного из астраханских ханов Михаил Кайбуллович. Позднее, разочаровавшись в первоначальной структуре режима, Иван ликвидировал опричное войско. Однако дуальная монархия (вернее, биархия), соправительство с татарским служилым аристократом не исчезло. В 1575 г. царь в присутствии бояр возвел бывшего касимовского хана Саин-Булата (в крещении - Симеон Бекбулатович) в степень «великого князя всея Руси», себя же повелел именовать просто князем московским. При этом страна вновь, как и во времена опричнины, была разделена на две части – великое княжение и государев удел. Вокняжение Симеона Бекбулатовича (как и ранее правление в земщине Ивана Мстиславского и Михаила Кайбулловича) не вызвало каких-то кривотолков на Руси и было воспринято как один из допустимых вариантов государственного управления на Руси.

---

20. А. А. Зимин, *В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России*, М., 1986, с. 25; Г. В. Вернадский, *Начертание русской истории*, Прага, 1927, ч. 1, с. 139; В. Ishboldin, *Essay on Tatar History*, New Delhi, 1973, p. 103.

21. С. М. Каштанов, «О внутренней политике Ивана Грозного в период “великого княжения”», *Труды Московского историко-архивного института*, М., 1961, т. 16, с. 460, 461.

22. *ПСРЛ*, М., 1965, т. 13, ч. 1, с. 135.

В соправительстве Ивана и Симеона, Ивана и Мстиславского, Ивана и Михаила можно усмотреть пережиток (заимствование и возрождение) старого ордынского института. Очень распространенное в Золотой Орде, такое соправительство ранее не имело хождения на Руси, а в кочевой степи практиковалось только в полностью независимых государствах. С точки зрения кочевых соседей, такой державой стала и Россия после завоевания Поволжья. Пара старший государь – младший государь по всем формальным параметрам совпадала с аналогичными тандемами у кочевников: у каждого из соправителей была своя территория («крыло»), свой двор (аналог правительства), особый титул, автономия в решении внутренних и иногда внешних вопросов²³. Реально Иван не выпускал из рук управления страной, однако и Симеона нельзя считать простой марионеткой: когда царь выступил против крымского хана Девлет-Гирея, управление страной он передоверил младшему соправителю. Таким образом, «загадочные», «парадоксальные», по выражению многих авторов, политические мероприятия российского правительства второй половины XVI в. можно расценивать как использование кочевых (золотоордынских) государственных институтов в целях укрепления царской власти.

Все династические наследники Улуса Джучи на протяжении XVI-XVIII вв. были постепенно поглощены Русским государством и вошли в его состав. Славянская культура органично ассимилировала культуры восточных народов, в свое время являвшихся частью золотоордынской культуры. Поглотив эти осколки восточного менталитета, Российское государство само стало близко восточной деспотии с присущим ей общественным сознанием. Некоторые черты дальнейшего историко-культурного развития России подтверждают это – в частности, принятие ею статуса империи, тяга к постоянному увеличению своей территории, экстенсивное развитие в целом и т. д.

Можно сделать вывод о глобальном влиянии ордынского наследия не только на Московскую Русь, но и на формирование будущей Российской империи. Ее характер был предопределен борьбой за господство в степи с другими наследниками Золотой Орды, в ходе которой складывалось Российское государство, и влиянием византийской идеологии. Данная точка зрения весьма распространена в западной историографии.

По мнению Д. Хоскинга, Россия по сути своей была одной из азиатских империй. Эти империи «обычно устанавливали суверенитет над множеством этнических групп, управляя ими через многонациональную имперскую аристократию, эксплуатируя их с помощью «взаимной ответственности» местных общин, предлагая им высокую имперскую культуру и язык, чтобы интегрировать их элиту, но в значительной степени оставляя им их

---

23. В. В. Трепавлов, «Соправительство в Монгольской империи XIII в.», *Archivum Eurasie medii aevi*, vol. 7, Wiesbaden, 1991.

собственное устройство при условии повиновения»²⁴. Такой «азиатский» тип империи с древнейших времен господствовал на Востоке.

Исследователь К. Витфогель полагает, что именно монголо-татарское нашествие было тем фактором, который predetermined неевропейский характер российской государственности. «Татарское правление, – отмечает Витфогель, – было решающим как в разрушении невосточного киевского общества, так и в заложении основ деспотической государственности Московской и постмосковской России»²⁵. При этом тотальное присвоение государством результатов хозяйственного процесса страны, неразвитость института частной собственности и экономический застой при деспотическом строе сочетаются с концентрацией власти в руках правителя и политической стагнацией.

В целом, именно российское завоевание Казанского и Астраханского ханств в середине XVI в., серьезно изменившее этническую и конфессиональную структуру населения России, ознаменовало собой начало ее превращения в многонациональное имперское государство неевропейского типа. Об этом прежде всего свидетельствует начавшееся в середине XVI в. становление российской имперской идеологии, фундамент которой заложили исторические, династические, национальные и религиозные концепции, обосновывавшие присоединение Среднего и Нижнего Поволжья к России.

*Казанский Университет
Исторический Факультет*

bulatraim@mail.ru

---

24. G. Hosking, *Russia, People and Empire, 1552-1917*, L., 1998, p. 3-8.

25. K. Wittfogel, *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*, New York, 1959, p. 225.